

УДК 821.161.1.09-3

**ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» И КНИГА
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ЗА РУБЕЖОМ»: СПОР О РОССИИ
И «РУССКОМ МАЛЬЧИКЕ»***

С. Ю. Николаева

Тверской государственной университет *кафедра
филологических основ издательского дела и
литературного творчества*

Повесть А. П. Чехова «Степь» рассматривается как полемический отклик на книгу М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом».

Ключевые слова: *А. П. Чехов, В. С. Соловьев, М. Е. Салтыков-Щедрин, философское осмысление бытия, Россия и Европа, позитивизм и идеализм.*

Обобщенно-символическое значение повести А. П. Чехова «Степь», глубина заложенных в нее смыслов обусловлены, в частности, многообразными связями с литературой, философией, общественно-литературной ситуацией в России 1880-х гг., и связи эти, как показывает наш анализ, гораздо более тонкие и разносторонние, чем принято думать. Широта мышления Чехова поражает. «Степь» оказывается «вписанной в культурное пространство всей русской литературы» вплоть до поэзии Ю. П. Кузнецова [6, с. 68], а также произведений «почвенников», «указывающих духовный путь русскому народу» [5, с. 87]. С совершенно новой стороны заставляют посмотреть на автора «Степи» выявленные переключки чеховского повествования с философскими трудами В. С. Соловьева (такими как «Вера, разум и опыт», «Духовные основы жизни», «Чтения о Богочеловечестве», «Три речи в память Достоевского») и его поэтическими публикациями [3, с. 101] 1870-1880-х гг., свидетельствующие о значении для художественной концепции Чехова соловьевской философии всеединого сущего и гносеологического принципа всеединства. Молодой Чехов предстает перед нами не только и не столько как дарвинист, позитивист, материалист, сколько как мыслитель, формировавший свое мировоззрение на пересечении разных философских традиций, в том числе традиции русской и мировой религиозной философии (впрочем, и сам В. С. Соловьев в ранней юности испытал кризис веры и испытал увлечение материализмом). Чехова не могла не привлечь идея универсального синтеза науки, философии и религии, идея связи Бога и мира, божественного и человеческого бытия, идея «положительного всеединства, в силу коего Бог, будучи один, вместе с тем заключает в себе все, и, будучи безусловно самостоятельным и единичным существом – вместе с тем есть производящее начало всего другого» [9, т. 4, с. 341].

Однако философские построения Соловьева были интересны Чехову не просто как некая схема, абстракция, он активно-диалогически воспринял мысль Соловьева о том, что единое сущее («субъект бытия», «абсолютно сущее», Бог как

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тверской области (проект № 14-14-69005 «Проблема литературных связей А. П. Чехова: повесть «Степь» в историко-литературном процессе. Монографическое исследование»).

абсолютный субъект бытия) есть начало развертывающегося в действительности бытия [9, т. 2, с. 305], что творец и «вседержитель» мира нераздельно связан с собственным творением, но никогда полностью не совпадает и не сливается с ним (отсюда отрицательное отношение Чехова к тем критикам, которые увидели в «Степи» воплощение философии пантеизма). «Субъект бытия» («абсолютно сущее», Бог) не сводим ни к каким отдельным формам бытия, поэтому Чехов устами о. Христофора и напоминает: «Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполнению» [1, с. 499; 11, т. 7, с. 23]. Чехов использует это определение Бога как элемент своей художественной антропологии, принцип характеристики, чтобы дать возможность человеку, читателю, герою (Егорушке) осознать свою ответственность за собственную судьбу. Степь – это огромная развернутая реализованная метафора бытия единого сущего, это та земля, которую Бог дал русскому человеку для того, чтобы он раскрыл все свойства своего духа, осуществил свое предназначение. Позднее, в пьесе «Вишневый сад», эту философскую мысль выскажет Лопахин: «Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...» [11, т. 13, с. 323].

На этапе создания повести «Степь» эта мысль утверждалась в диалоге Чехова с целым рядом писателей и философов, в том числе с М.Е. Салтыковым-Щедринным – автором очерков «За рубежом» (1880–1881), лейтмотивом творчества которого была фраза из «Повести временных лет»: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Поэтому, кроме соловьевского пласта реминисценций, в тексте «Степи» вскрывается целый пласт переключек со знаменитой книгой русского сатирика, посвященной актуальнейшей теме «Россия и Европа». Литературоведы называли этот щедринский цикл «одной из великих русских книг о Западе», уточняя, что, подобно произведениям Карамзина, Герцена, Достоевского, Г. Успенского, «эта книга не только о Западе, но о России и Западе и, по существу, о России больше, чем о Западе» [10, с. 14]. М.Е. Салтыков-Щедрин, описывая европейскую жизнь начала 1880-х гг. глазами русского путешественника, использовал свои наблюдения как точку отсчета для анализа русской жизни.

Щедринские очерки выдержаны в художественно-публицистическом стиле, они насыщены полемикой и с консерваторами, и с демократами, и со славянофилами, и с почвенниками, и с западниками. Ключевые образы у Щедрина (Правда, торжествующая Свинья, Мальчик в штанах и Мальчик без штанов, репортер Подхалимов и проч.) носят гротескный, публицистический, условный характер. Мастерство Щедрина здесь – это мастерство блестящего полемиста, владеющего искусством афоризма, эзопова языка и прямой проповеди. Однако сатирик отказывался писать чисто поэтическое произведение на затронутую им тему и признавался, что не смог бы создать «картину, бесконечное разнообразие и яркость которой зажжет все сердца», в которой «Слово утратит вялость, образы будут полны жизни и огня», да и вообще сомневался, есть ли «тот художник, которому были бы под силу такие глубины» [7, с. 249].

Чехов внимательно прочитал книгу сатирика. Его не могли не привлечь жанрово-композиционная форма щедринской книги (путевые записки-размышления), а также основные проблемы, поднятые в ней, микротемы, раскрытые через концепты. Система концептов в очерковом цикле Щедрина включает в себя следующие: обширные пространства, исполинство, человек(и), мальчик(и), верующий человек, русский человек, скиталец, скука/тоска, равнодушие, широкий полет мысли, неудовлетворенность/недовольство жизнью, сквернословие, мельница, хлеб, железная дорога, учитель Старосмыслов, Бог, Россия, чувство вины, формы/бесформенность

бытия, прошедшее-настоящее-будущее, путь-судьба-миссия. Каждый концепт реализуется у Щедрина в цепочке жизненных наблюдений-примеров, философских объяснений, литературных толкований, иронических интерпретаций, сопровождающихся или завершающихся острым дидактическим или полемическим выводом об историческом движении России. Россия неизбежно идет по пути капитализма, как и Европа, но вместе с тем идет своим путем, через ошибки, предательство и продажность властей, «чтение в сердцах», страх и несвободу. Олицетворением России и русского народа служит в этих очерках «мальчик без штанов», бедный, необразованный, невоспитанный, не знающий, что такое «Бог», но вместе с тем «санкюлот» («бесштанник» и бунтарь). Позднее Щедрин создаст и другой концепт – Коняги, художественная сила которого превзойдет тенденциозно-публицистическую афористичность концепта «мальчик без штанов».

При чтении книги Щедрина возникает ощущение целостности авторского замысла, гражданственности и патриотизма автора. Щедрин пытается понять, что такое современная Россия. Он воссоздает услышанные им мнения русских за границей на этот счет и формулирует свое собственное. Возникает многоголосие, разнообразие точек зрения. Но писатель не претендует на поэтичность и художественность, он понимает, что для этого нужно иметь «почти сверхъестественное художническое чутье, чтоб отыскать неисчерпаемое богатство содержания в этом внешнем однообразии». Таким чутьем обладал Чехов, сумевший показать Россию и русского мальчика чисто поэтическими средствами, не прибегая к языку публицистики и нравоучения. Чтобы не впасть в ложный пафос сентиментальности, Чехов мотивирует свое любованье Русью тем, что смотрит на мир через призму восприятия ребенка.

Чеховский Егорушка путешествует по родной земле и наблюдает все то, о чем рассуждает под разными масками щедринский рассказчик: он пытается охватить взглядом обширные степные пространства, познает свою родину, рассматривает мельницу и железную дорогу с бегающим локомотивом, видит мужиков-великанов, встречает «мальчика без штанов» по имени Тит, знакомится с верующим человеком (Пантелеем), с русским скитальцем (Дымовым), с «Колупаевыми и Разуваевыми» (Варламовым, Казимиром Михайловичем, Мойсей Мойсеичем), ощущает скуку/тоску, чувство вины, равнодушие людей, широкий полет мысли, неудовлетворенность / недовольство жизнью, сталкивается со сквернословием, слушает поучения «Старосмыслова» (о Христофора), молится Богу, задумывается о прошлом-настоящем-будущем. В детском непосредственном и наивном восприятии снимается ирония, остается искренняя печаль или искренняя любовь. Сущность полемики Чехова со Щедриным состоит в жанрово-стилевой перекодировке: о таких проблемах, которые затронул Щедрин, автор «Степи» говорит не в форме сатирико-политических очерков (опасаясь тенденциозности), а в лиро-эпическом повествовании. Между чеховским и щедринским текстами возникает интересный контрапункт.

Например, Щедрин любовь своих соотечественников к России выражает амбивалентно, сочетая «колючую жалость» с сарказмом: «... никто так страстно не любит своей родины, как русский человек <...> средний русский “скиталец” не только страстно любит Россию, а положительно носит ее с собою везде, куда бы ни забросила его капризом судьба» [7, с. 182]. Для Чехова в «Степи» характерно «стихотворение в прозе», лирически выражающее любовь к родине: «...во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине» [11, т. 7, с. 46]

Русские просторы в концепции Щедрина, в соответствии с излюбленной памфлетной манерой, высмеиваются как вместилище извечных неурядиц и нестроений:

«Везде мальчик в штанах, а у нас без штанов; везде изобилие, а у нас – “не белы снеги”; везде резон, а у нас – фюить! Везде люди настоящие слова говорят, а мы и поднесь на езоповских притчах сидим; везде люди заправскою жизнью живут, а у нас приспособляются. А потом и то еще приходит на ум: *Россия страна земледельческая, и уж как-то чересчур континентальная. Растянулась она неуклюже, натуральных границ не имеет*; рек мало, да и те текут в какие-то сомнительные моря. Ах, бедные, бедные!» [7, с. 182–183. – Курсив здесь и далее мой. – С.Н.]. Безграничность территории у Щедрина – метонимия, намек на отсутствие самостоятельных форм государственного устройства. Российская государственность и российская история не вызывают оптимизма у автора «За рубежом»: «Всегда эта страна представляла собой грудь, о которую разбивались удары истории. Вынесла она и удельную поножовщину, и татарщину, и московские идеалы государственности, и петербургское просветительное озорство и закрепощение. Все выстрадала и за всем тем осталась загадочною, не выработав *самостоятельных форм* общежития. А между тем самый поверхностный *взгляд на карту удостоверяет*, что без этих форм в будущем предстоит только мучительное умирание» [7, с. 183]. Чаадаевская ирония звучит в выводе «мальчика в штанах» о том, что Россия «с твердостью выполняет свою историческую миссию. Как древле, выстрадав иго монголов, она избавила от них Европу, так и ныне, вынося иго саранчи, она той же Европе оказывает неоцененнейшую из услуг!» [7, с. 37].

В концепции Чехова, напротив, русские просторы представляют поэтическую загадку для Егорушки, которую предстоит разгадывать, может быть, всю жизнь: «Широкая, бесконечная равнина», «едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается» [11, т. 7, с. 16]; «Кому нужен такой простор? Непонятно и странно» [11, т. 7, с. 48]; «Едешь, едешь, ... а степь все такая ж протяженно-сложенная, как и была: конца краю не видать!» [11, т. 7, с. 94]. Безграничность степи «протяженно-сложенной», но прекрасной воспринимается чеховским Егорушкой как красота и величие, как одно из проявлений самобытного и самостоятельного существа, как потенциал развития и движения, залог появления в будущем таких богатырей, как Илья Муромец.

Сагирик продемонстрировал тяжелое положение русского крестьянина в преформенной России, показал отличия российского зарождающегося капитализма от развитого западноевропейского. Для этого он использовал развернутый и хлесткий диалог немецкого «Мальчика в штанах» с русским «Мальчиком без штанов». Один из важнейших выводов, сделанных Щедриным на основе этого диалога, – выражение надежды на способность русского народа («санкюлотов») освободиться от господ Колупаевых.

Чеховский герой Егорушка на своем долгом трехдневном пути через степь тоже встречает «мальчика без штанов» по имени Тит. Егорушка не вступает с Титом в спор, как герой Щедрина, поскольку тот в страхе ретируется. Герой и повествователь в «Степи» далеки от мысли о русском бунте, бессмысленном и беспощадном. Да и имя Тит выбрано не случайно, вспомним известную русскую поговорку: «Тит! Иди молотить. – Брюхо болит. – Тит! Иди кашу есть. – А где моя большая ложка?» Русский народ еще далек от революционных катастроф, не созрел для активных действий, препятствием ему служат «необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия» [11, т. 2, с. 198]. Тем не менее Тит трижды повторится в снах Егорушки, пугая его и напоминая о чем-то страшном.

Щедринский рассказчик полагает, что русские мальчики, простой народ не имеют верного понимания Бога (и здесь он рьяно спорит с Достоевским – автором

«Речи о Пушкине»): « – М а л ь ч и к в ш т а н а х. Ах, русский мальчик <...>! Я уверен, например, что вы не знаете, что такое бог? – М а л ь ч и к б е з ш т а н о в. А бог его знает, что такое бог!» [7, с. 39]. Щедрин не приемлет нравственной философии Достоевского, его представлений о русском народе-богоносце. Но Чехову Достоевский близок, Чеховым глубоко прочитан, прочувствован, продуман [4], как и В. Соловьев [3]. Чехов не спешит отвергнуть тему поисков Бога современными русскими мальчиками, он признает эти поиски имеющими право на осуществление. Поэтому в повести «Степь» появляется наставник Егорушки о. Христофор, который и объясняет, что такое Бог: «Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполнению» [11, т. 7, с. 23]. И его определение стилистически близко к древнерусскому источнику [1], а по сути – к определению В. Соловьева. «Это сущее Добро, т. е. существо, само по себе обладающее полнотою и источником благодати, есть Бог» [9]. Интересно, что о. Христофор помнит риторiku и философию, а учитель Старосмыслов у Щедрина преподает отнюдь не философию и элоквенцию, а латынь [7, с. 201]. Щедринский учитель попытался научить своих учеников политическому мышлению на примерах из Тацита, а чеховский герой, напротив, отвлекается от злобы дня и рассказывает о Боге.

Полемика в отношении исторических судеб России, русских просторов и русского Бога не отменяет точек соприкосновения в размышлениях Чехова и Щедрина. Близкими оказываются наблюдения двух писателей над русским национальным характером, национальным бытом и бытием. Так, Щедрин резко осуждает российское сквернословие: «Никто так не любит посквернословить, ... как русский культурный человек» [7, с. 181–182]. В чеховской повести Егорушка знает об «отвращении, которое молчаливо питали» к сквернословию его родные и знакомые [11, т. 7, с. 54]. Сквернословие – прямое следствие неудовлетворенности русского человека собой и жизнью.

В повести Чехова концепты «тоска», «скука», «недовольство жизнью» играют важную роль: с их помощью автор характеризует мировосприятие своих героев (практически всех, от Егорушки до Варламова, за исключением о. Христофора). По наблюдениям многих исследователей, концепт «скука/тоска» в русском языке и культуре имеет метафизическую, экзистенциальную направленность, какой нет в европейских языках. Щедрин подтверждает это: «Затем самая “тоска” – разве это не “новое слово” для западного человека? Западный человек может негодовать, ожесточаться, настаивать, но “тосковать” он положительно не умеет» [7, с. 88]. Чеховские герои – это люди «с прекрасным прошлым и с очень нехорошим настоящим... к настоящему они относились почти с презрением. Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» [12, т. 7, с. 64]. Эту же мысль высказывает Щедрин: «Надо сказать правду, в России в наше время очень редко можно встретить довольного человека... Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуется, вопиют <...> всеобщность недовольства» [7, с. 18–19].

В чеховском тексте есть фрагмент, который может быть прояснен только в соотнесении с текстом Щедрина. Когда путешественники останавливаются на отдых на постоялом дворе у Мойсей Мойсеича, повествователь описывает детали интерьера: «...на одной стене в серой деревянной раме висели какие-то правила с двуглавым орлом, а на другой... какая-то гравюра с надписью: “Равнодушие человек”. К чему люди были равнодушны – понять было невозможно, так как гравюра сильно потускнела от времени и была щедро засижена мухами» [11, т. 7, с. 32]. В очерках «За рубежом» автор иронизирует над тем, что в России бюрократизм тесно сочетается с «полнейшим равнодушием относительно жизненной обстановки со-

седа», с тем «жвачным равнодушием, которое впоследствии... сделалось как бы нормальной окраской русской интеллигенции» [7, с. 124]. С одной стороны равнодушие, а с другой – правила: «У нас, брат, без правила ни на шаг. Скучно тебе – правило; весело – опять правило. Сел – правило, встал – правило. Задуматься, слово молвить – нельзя без правила» [7, с. 36]. Чехов зашифровывает эту щедринскую мысль, помещает ее в подтекст, так чтобы Егорушка вернулся к ней и понял ее в более зрелом возрасте.

Общим для Чехова и Щедрина является и концепт «вины». Щедринский персонаж (в отличие от рассказчика) убежден: «...да, Россия виновата» [7, с. 102]. Позднее Чехов, объясняя характер своего Иванова, скажет: «Чувство вины – это чувство русское», а в «Степи» сама русская земля плачет: «...она уверяла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя» [11, т. 7, с. 24].

Сходство обнаруживают и образы рассказчиков у обоих писателей. Щедринский повествователь описывает свое самоощущение с помощью реминисценций из «Слова о полку Игореве»: «Одним словом, ширял сизым орлом по поднебесью, рыскал серым волком по земле и даже растекался мыслью по древу [7, с. 216]. Чеховский рассказчик испытывает желание «лететь над степью вместе с ночной птицей» [11, т. 7, с. 46], а в автокомментарии к «Степи» Чехов упоминает «широкий полет мысли» [11, т. 2, с. 198].

Оба рассказчика испытывают чувство одиночества. Щедринский рассказчик пишет: «Но мне не спалось. Как только я сознал себя одиноким, так тотчас навстречу поплыли “мысли”. Вспомнилось тоскливое, бесцельное заграничное шатание, в сопровождении потухшей любознательности и отсутствия интереса ко всему, исключая трактиров; вспомнилось и серое житьишко дома, полное беспредметных и неосмысленных тревог... И как-то невольно, само собою сказалось: ах, какая это ужасная вещь – жизнь!» [7, с. 246]. Чеховский повествователь приходит к такому же заключению: «Когда долго, не отрывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким, и все то, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены. <...> приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной» [11, т. 7, с. 65–66].

Точка соприкосновения есть у Чехова и Щедрина и в восприятии России в целом. Так, чеховское восхищение русскими просторами и глубочайшими горизонтами созвучно мысли Щедрина о том, что «расширение горизонтов», «жизненность и страстность, которые одни могут дать начало действительному движению», стали слишком чужды сытой буржуазной Европе [7, с. 178]. По мнению Щедрина, «современному... буржуа ни героизм, ни идеалы уже не под силу. Он слишком отяжелел, чтоб не пугаться при одной мысли о личном самоотвержении, и слишком удовлетворен, чтоб нуждаться в расширении горизонтов. Он давно уже понял, что горизонты могут быть расширены лишь в ущерб ему» [7, с. 168]. «Действительное движение», духовное развитие, расширение горизонтов Щедрин надеялся увидеть в России, и метафору такого движения в своей повести развернул Чехов.

Список литературы

1. Николаева С.Ю. Источник чеховской цитаты // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. № 5. С. 449–450.

2. Николаева С.Ю. «Русский бог» Н.А. Львова и проблема литературно-исторического контекста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 65–71.
3. Николаева С.Ю. Философский контекст повести А.П. Чехова «Степь» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 100–107.
4. Николаева С.Ю. Чехов и Достоевский: проблема историзма. Тверь : ТвГУ, 1990. 85 с.
5. Редькин В.А. Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю.П. Кузнецова «Путь Христа» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 21. Вып. 5. С. 81–87.
6. Редькин В.А. «Русская идея» Юрия Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. №2 (4). Вып. 1. С. 48–68.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М. : Правда, 1988. С. 5–270.
8. Соловьев В.С. Духовные основы жизни [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/03_299.htm#_Тoc121205340. (Дата обращения: 10.09.2014.)
9. Соловьев В.С. Собр. соч. : в 10 т. СПб. : Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911–1914.
10. Турков А.М. «Свое» и «чужое» // Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. М. : Советская Россия, 1989. С. 3–14.
11. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983. Сочинения : в 18 т. Т. 7: Рассказы и повести 1888–1891. 1985. 736 с.; Т. 13: Пьесы 1895–1904. 1986. 538 с. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983. Т. 2: Письма 1887 – сентябрь 1888. 1975. 584 с.

**THE STORY BY A. P. CHEKHOV “THE STEPPE” AND THE
BOOK BY M. E. SALTYKOV-SCHEDRIN “ABROAD”:
THE DISPUTE ABOUT RUSSIA AND “THE RUSSIAN BOY”**

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

the department of philological basics of publishing and literary creation

The story by A.P. Chekhov “The Steppe” is considered as polemical response to the book “Abroad” by M. E. Saltykov-Schedrin.

Key words: *A. P. Chekhov, V. S. Soloviev, m. E. Saltykov-Schedrin, philosophical understanding of existence, Russia and Europe, positivism and idealism.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.